

Е И С Е Й С К І Я
Г У Б Е Р Н С К І Я В Ъ Д О М О С Т И .

Ч А С Т Ъ Н Е О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н А Я .

Изъ статистическаго описанія Енисейскаго округа. Ст. М. Кривошапкина.

Изъ Статистическаго описанія Енисейскаго округа

Остяки.

(Продолженіе)

Сначала слѣдуетъ заготовить сладковатаго вкуса хлѣбъ, какъ для квасу; за тѣмъ заварить въ кадушкѣ пудъ ржаной муки и мелко искрошить заготовленный сладковатый хлѣбъ; за тѣмъ прибавить кипятку, наложивъ соломы или сѣна и неплотно приходящійся къ кадушкѣ кругъ; за тѣмъ, раскаливъ довольно количество простыхъ камней, бросать ихъ одинъ за другимъ въ кадушку не покрытую, пока заключенное въ ней закипитъ ключомъ, потомъ дать устояться и когда готово—осторожно вынимать изъ кадушки стыръ (*) и мало по малу выпустить сусло и остудить его; за тѣмъ въ это сусло положить приготовленной какъ должно шасты, поставить въ печь въ большихъ котлахъ (вѣрнѣе горшкахъ), варить до хорошаго кипенья, вынуть и остудить; за тѣмъ слить это въ кадушку съ остатками, прибавить чашки три дрозжей и дать укиснуть; по изготовкѣ слить, шасту выбрать въ рѣшето и выжать; наконецъ дать устояться хорошенько, сливать въ боченки и, закупоривши плотно, ставить въ погребъ. Дней чрезъ 15-ть будетъ хо-

(*) Стырь, т. е. тупоконный клинъ, вставляемый въ просверленные въ кадушкахъ дырки.

рошее пиво, но стоять можетъ, не теряя ни какаго изъ своихъ качествъ, до трехъ мѣсяцовъ, по крайней мѣрѣ столько времени уже испробовано, во ожиданіи выхода изъ лѣсовъ Остяковъ съ добрецомъ своимъ, ради полученія какаваго добраца и нужно вскружить имъ немножко голову! Но всетаки вы не узнали досихъ поръ—что за вещь эта шаста. Совѣстно и рассказывать такъ заинтересовавши. Это не больше, какъ парость на деревѣ, ель на его сучьяхъ; она во всякое время имѣетъ свою хмѣльную крѣпость, и, замѣняя бывающій на другихъ деревьяхъ мохъ, походитъ формою на листья травы—мать и мачиха. Запасовъ шасты не дѣлаютъ, потому что она есть во всякое время.—Пиво съ нею здѣшніе жители варятъ обыкновенно во время страды; нѣкоторые же побогаче и ко всякому особому празднику или случаю, а главное какъ пріятнѣйшему изъ празднованій—выходу Остяковъ изъ лѣсовъ съ мѣхами. Для варки въ пиво—шаста должна быть водахъ въ трехъ горячихъ вымыта и выжата, словомъ пока вода изъ красновато-грязной не будетъ оставаться чистою. Конечно отъ этого мытья и выжиманья теряется сила, но за то такая шаста, кромѣ пріятнаго одуренья, не оставляетъ ни чего дурнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, тогда какъ отъ невытой крѣпкой болитъ послѣ голова, какъ съ похмѣлья и на языкѣ остается непріятный вкусъ ила. Перейдемъ теперь къ семейной жиз-

ни Остяковъ.

Рожденіе дѣтей не сопровождается ни какими обрядами. Замѣчанію въкоторыхъ, что «Остяки часто умираютъ въ родахъ, вѣроятно, отъ постоянно грубаго обхожденія съ ними мужей»—я не нашолъ ни малѣйшаго подтвержденія, къ удовольствію слабонервныхъ читателейъ.

Замѣчаніе, что «бабничать некому», также относительно всѣхъ видѣнныхъ мною Остяковъ оказалось несправедливымъ: каковы бы ни были, а есть у нихъ свои бабушки, такъ, что когда беременная Остячка уходитъ за звѣремъ съ семьей въ лѣсъ, то уводитъ съ собой и бабушку. Мужчины же въ этомъ толку не знаютъ и объяснить мнѣ ни чего не могли, не смотря на все наше тѣсное взаимнорасположеніе.

Съ новорожденными поступаютъ различно; одни и большею частію какъ у Русскихъ, обливаютъ теплой водой и на вопросъ мой о холодной, всегда отвѣчали: «что ты бачка, мала онъ, заморозишь»; а другіе, живущіе дальше отъ Русскихъ деревень и менѣе имѣющіе сношеній съ ними, погружаютъ, (хоть и рѣдко подобно Тунгусамъ) младенца въ снѣгъ, чѣмъ какъ бы посвящаютъ его всѣмъ суровостямъ сердитаго сѣвера и закаляютъ на борьбу съ ними. Не считите это только плодомъ варварства; за это много говоритъ необходимость; да вспомните къ тому жъ обращеніе съ дѣтми Спартанцевъ, обхожденіе почти во все не вызванное суровостью природы. За тѣмъ вносятся ребенка въ чумъ, обмываютъ водой изъ снѣга, завертываютъ въ теплыя оленья кожи и кладутъ около дымнища головешекъ въ берестяную зыбку. Видѣнны мною зыбки имѣли форму гробиковъ и висѣли на веревкѣ такъ, что головка была выше ногъ; ребенокъ былъ одѣтъ заячьей шкуркой, а подъ нимъ слой древесныхъ опилокъ, отлично всасывающихъ всякую нечистоту и часто смѣняемыхъ.

Воспитаніе даютъ суровое. По прошествіи мѣсяца, кормятъ уже ребенка стертою въ водѣ вареной рыбой. Чуть покажутся зубки, передъ малюткой уже сырое оленье мясо и сырая рыба, даютъ этаго впрочемъ не болѣе двухъ разъ въ день. Какъ вы находите—завидные желудки? До 12-ти лѣтъ водятъ дѣтей почти безъ всякой одежды. Съ 12-ти приучаютъ стрѣлать, ходить за оленемъ, дѣлать ловушки, нарты, чумы и пр. Послушаніе къ родителямъ сохра-

няется нерушимо, но чуть ли не по долгу и необходимости слабого; войдя же въ возрастъ и крѣпость, не рѣдко въ сердцахъ, и тузять бачку по праву сильнаго. Да это и неудивительно: когда же у Христіанъ по названію, но не проникнутыхъ духомъ Христіанства, можетъ быть иначе?! Съ 18-ти лѣтъ принимаютъ всѣ тяжести возмужалыхъ и не расстаются съ ними до смерти. Такъ на станціи Комса, вскорѣ за мной пріѣздомъ, вбѣжалъ въ комнату престарѣлый, съ бѣльмомъ на одномъ глазѣ и сильнымъ тускомъ на другомъ, Остякъ, и съ крикомъ «помоги бачка—съ голоду умираю!» бросился въ ноги. Блѣдное изъ сива лицо, слѣпота, согбенная фигура и крайнее рубище—дѣлали его весьма жалкимъ. Бывшіе тутъ крестьяне объяснили, что этотъ старикъ долженъ питать все семейство, что богачъ деревенскій Кр—въ занялъ всѣ лучшія рыболовныя мѣста и что вблизи деревни болѣе не осталось мѣстъ, тогда какъ въ прежніе годы эти мѣста занималъ Остякъ и слѣд. по привычкѣ они принадлежатъ ему. Я велѣлъ позвать богатаго мужика и зная, что не принадлежу къ числу вельможныхъ полчищескихъ, послѣдовала обычному своему правилу—удѣлывать дѣла, не возвысивъ голоса. Едва вошелъ Кр—въ, Остякъ заголосилъ, что дескать смерти его хочется. Зная какъ упрямы богачи, я зажалъ ротъ Остяку и держалъ такой разговоръ съ богачемъ:

- Здравствуй другъ!
- Здравствовать желаю.
- Ты Бога знаешь и боишься?
- Какъ же!?
- Остякъ слѣпъ?
- Слѣпъ.
- Онъ дряхлъ?
- Старъ.
- Семейство большое?
- Точно.

Вѣдь онъ нищій? (При этомъ я подаль Остяку денегъ при словахъ: вотъ тебѣ милостыня.)

Правда—родимый!

(Замѣтите ужъ родимый въ ходу, значитъ подается кремль!) Но не ужели ты его—то ужъ грабить и голодомъ морить захочешь?

Никакъ нѣтъ съ В. В. бліе!

(Величать началъ, знатъ сильно подается кремль; усилить еще нужно впечатлѣніе!)

—Такъ гдѣ же онъ, съ семьей, слѣпой возьметъ, когда и мѣсть для ловли по близости нѣтъ, а прошлогодній его—всѣ ты занялъ?

—Я ему уступлю половину.

Въ это время Остякъ, слѣдившій за всѣмъ, какъ крикнетъ: «не вѣрь, бачка, не вѣрь! не вретъ, такъ пусть даетъ честна рука!»

—Изволю другъ! (отвѣтилъ Кр—въ). Остякъ какъ бы помолодѣлъ, повыпрямился, бросился опротивлю въ двери—съ крикомъ «спасибо бачка» и чрезъ нѣсколько минутъ легкая вѣтка при весело свободной во все не старческой гребн—далеко мчала на ту сторону стараго Остяка.

Жена для Остяка должна быть прежде всего хорошей работницей, а потомъ вѣрной женой. Въ случаѣ невѣрности онъ съ ней не говоритъ, бьетъ и ругаетъ; впрочемъ невѣрности рѣдко случается, конечно не по Христіанской сознательности долга, а просто хоть по лѣности и неповоротливости Остяка,—только свѣтское волокитство у нихъ ни какъ не въ модѣ!

Бракъ есть у нихъ чистая покупка жены. Желающій жениться на известной дѣвушкѣ идетъ къ отцу своей возлюбленной и прямо говоритъ ему: «я хочу жениться на твоей дочери.» За тѣмъ начинается торгъ—сколько женихъ дастъ колѣма, обыкновенно отъ 10 до 50-ти руб. сереб. и болѣе, или на столько же мѣховъ. Но этимъ не кончается дѣло, какъ обыкновенно пишутъ: довольный отецъ велитъ обратиться къ дочери. Тогда на невѣсту накидываютъ покрывало и двѣ Остячки садятся около нея. Приноситъ женихъ съ другими Остяками (вѣроятно боярами!) котель съ разными нарядами и проч. и уходитъ; невѣста откидывается и пересматриваетъ даръ, при чемъ, если находитъ недостаточнымъ, выбрасываетъ и садится по прежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя Остячками (вѣроятно свахами). Женихъ со свитой входитъ, видитъ—что все разбросано, собираетъ, уноситъ въ свой чумъ, дополняетъ, перемѣняетъ и снова приноситъ. Въ видѣнныхъ двухъ случаяхъ, невѣста оставалась недовольна и во второй разъ и также выбрасывала. И все это молча, ни кто словечка не проронитъ! Женихъ снова собираетъ и уноситъ къ себѣ для дополненій. Наконецъ въ третій разъ невѣста откидывала покрывало, пересматривала вещи, оставалась довольна, укладывала все въ порядкѣ обратно

въ котель и садилась по прежнему. Женихъ входитъ, видитъ что дѣло на ладу и радостный остается въ томъ же чумѣ. Остячки снимаютъ съ невѣсты покрывало и тутъ женихъ съ невѣстой цѣлуются; женихъ беретъ ее за руку и отправляется въ церковь. Большею же частію дѣло обходится просто, безъ сладкаго, или скромнаго подѣлуя, словомъ только безъ поцѣлуя.

Возвратясь изъ церкви въ свой чумъ, или въ чумъ своего отца, женихъ начинаетъ пиръ, для чего созываетъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ и угощаетъ всѣмъ, что есть, а главное, конечно виномъ, если найдетъся. У Г. Степанова (*) сказано, что бракъ, благословенный въ церквѣ, довершается такимъ образомъ при пылающемъ кострѣ, возлганіи Бахусу, пѣсняхъ и пляскѣ. Но здѣсь Г. Степановъ дѣйствительно описанію совершенно пожертвовалъ риторической фигурѣ, или чтобъ смягчить выраженіе—поэтическому увлеченію: потому что во 1-хъ ни какихъ возлганій не только Бахусу, даже и Баклану—нѣтъ, во 2-хъ, пѣсенъ также ни одной и ни какой нѣтъ, а кричитъ каждый все, что ему вздумается, общая же всѣмъ есть, правда, одна пѣсенка, если только угодно назвать ее пѣсней,—херъ, херъ, херъ, херъ, и все это однообразно выдыхательнымъ звукомъ горла, для котораго затылокъ долженъ пригибаться назадъ, а губы вытягиваться впередъ—точь въ точь въ такіе пластины, какъ вытянуты въ анатомическихъ театрахъ мышцы, окружающія ротъ, на раздѣленном (**) и высушенномъ человѣкѣ; ища боишься, чтобъ послѣ нѣсколькихъ херканій струнки голосовыя не лопнули! Это—мучительные и для уха звуки: ни у одного звѣря нѣтъ, кажется, такого однообразнаго звука,—поросенокъ съ своими рюканьями и голошеньями—просто наипростообразнѣйшій пѣвецъ! Вы не смѣшайте только съ этимъ херъ—употребляемого у другихъ инородцевъ всетаки двухзвучаго ехоръ, или екоръ.—Въ 3-хъ, пляска только одна, если только назвать пляской переминанье съ ноги на ногу, взявшись за руки въ кругъ. Между тѣмъ какъ у того же Г. Степанова во все не упомянуто объ употребляющейся у Остяковъ игрѣ таморомъ. Таморомъ называется шишка на концѣ

(*) См. Ч. II. стр. 65.

(**) На нашемъ языкѣ называется «отсмаровать части»

стрѣлы, чтобъ убивать, не разрывая звѣриныхъ (на пр. бѣличьихъ шкурокъ.) Игра состоитъ въ изученіи искусства стрѣльбы: для этаго ставятъ они жердочку и отмѣриваютъ отъ 15-ти до 20-ти луковъ (*) пространство, гдѣ ставятъ вторую жердочку; раздѣляются на двѣ партіи и у каждой съ своей стороны отмѣрено тоже пространство; по жребію или уговору, которая нибудь сторона начинаетъ таморомъ стрѣлять въ срединную жердочку и если съ

разу попадетъ, то вся партія за нимъ подвигается на лукъ. за тѣмъ второй выстрѣлъ и т. д., пока промахнетъ, послѣ чего начинаетъ стрѣлять уже вторая партія, также подвигаясь за каждой удачей на лукъ. Дѣло тутъ въ томъ, кто скорѣе подвинется.

Такъ проводится время. Впрочемъ не всегда начинаютъ съ церкви, иногда Христіанскими обрядами бракъ освящается и гораздо позже; тогда уже за грѣхъ не считается употреблять въ дѣло и шамановъ.

(*) А лукъ будетъ въ сажень почти.

(оконч. въ слѣд. номеръ)

Печатать дозволяется: Енисейскій Гражданскій Губернаторъ *Падалка*.

КРАСНОЯРСКЪ.